

СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА МИРА И ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ

Людмила АНЦИБОР

Кафедра прикладной психологии

În articol este argumentată presupunerea potrivit căreia modul de viață, precum și imaginea lumii care se conturează pe parcursul vieții personalității, sunt precondiții pentru formarea unei personalități sănătoase. Predispuerile de tipul poziției de „victimă”, la toate etapele de constituire a relațiilor interpersonale, au o influență negativă asupra procesului de formare a personalității, precum și a identității sociale. Problema condiționării morale a relațiilor profesionale și interpersonale trebuie să devină o prerogativă a politicii de stat.

The article is grounded assumption that lifestyle and the image of the world that is emerging throughout life personality are preconditions for the formation of healthy personalities. Predisposition to type position "victim" at all stages of establishing interpersonal relationships, have a negative influence on the process of formation of personality and social identity. The problem of moral compliance professional and interpersonal relationships must become the prerogative of state policy.

В науках о человеке все более утверждается мысль о том, что между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь, и, чтобы адекватно понять поведение человека и/или оказать ему социально-психологическую помощь, необходимо учитывать особенности той жизненной (а значит социальной) ситуации, в которой осуществляется его бытие и развитие. Для того, чтобы человеку почувствовать себя успешным и благополучным, важно ощущение «включенности», сопричастности, событийности своей частной и индивидуальной жизни к процессам, которые разворачиваются в более крупном пространственном или временном контексте (например, в масштабах своего региона, страны, планеты или вечности). Как указывает философ Г.Л. Тульчинский, человек вторичен от своей позиции, «доли», от своей включенности в мир [24]. Реалии объективного мира, перекодируясь у людей в субъективный образ, влияют на появление у них личностных особенностей, типичных для конкретных условий их жизнедеятельности. Эти условия во многом определяются спецификой исторического развития городских сообществ и степенью их «включенности» в разворачивающиеся в стране новые процессы регионализации и глобализации [5].

Исследования К.Левина показали, что социальный контекст ситуации побуждает к жизни мощные силы, стимулирующие или ограничивающие поведение человека. Однако ситуация в той же степени является функцией личности, в какой поведение личности является функцией ситуации [30]. По мнению У.Томаса, индивидуальные восприятия и представления индивида об окружающей социальной реальности важнее, нежели объективно измеряемые социальные факторы, описывающие эту реальность. Соответственно, для того чтобы понять поведение человека в той или иной жизненной ситуации, «мы должны поставить себя в позицию субъекта, который пытается найти свой путь в этом мире; и мы должны помнить, что среда, которая влияет на него и к которой он пытается адаптироваться, – это не объективный мир науки. Это его мир, природа и общество, как он видит их, а не как их рассматривает ученый» [23].

На протяжении веков представление о психологической реальности, представленной в «образе мира», выстраивали мыслители, стремившиеся понять человека во всех его связях с окружающим миром. Анализ основных отечественных и зарубежных психологических исследований по проблеме «человека в различных жизненных ситуациях» позволяет говорить о том, что для исследования этой проблемы характерна тенденция постепенного перехода от анализа «человека изолированного» к исследованию человека в контексте его реальной жизни в обществе; к целостному взгляду на особенности «мира в человеке и человека в мире», т.е. осознание и понимание образа жизни, который ведет человек, той событийной общности, которой он принадлежит.

Действия и поступки людей обусловлены:

- во-первых, впечатлениями об обыденной жизни своего непосредственного окружения, а также представлениями об определенных сторонах реальности, в которой они живут;

- во-вторых, интерпретацией процессов взаимодействия, участниками которых они являются, и эмоциональными переживаниями, которые сопутствуют этим событиям.

Следовательно, необходимо изучение того, как человек понимает значение происходящего и какой смысл он вкладывает в понятие «образа жизни», являющегося причиной или следствием его «картины мира».

В целом **«образ жизни»** понимается как совокупность смысловых отношений и установок человека в мире, которые обеспечивают ему ориентацию в иерархии ценностей и овладение поведением в ситуации борьбы мотивов. Всё это воплощается посредством деятельности и общения, продуктов культуры, других людей, себя самого ради продолжения образа жизни, являющегося ценностью для данного человека и служащего основанием для его интеграции в общество. Обособление культурных ценностей через действие механизма идентификации образует особую психологическую реальность – *субъективный образ мира*. Для обозначения этого особого образования человеческого сознания исследователи используют такие термины, как «образ мира» (А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов, В.В. Столин и др.), «фикции» (А.Адлера); «картина мира» (Дж.Келли, Т.Шибутани), «карта мира» (Е.Ю.Артемьева), «когнитивная карта мира» (Д.Гриндер, Р.Бэндлер), «миф» (А.Ф. Лосев), «семейный миф» (Ж.Лакан), «сценарий» (Э.Берна), «жизненный мир» (К.Левин, Ф.Е. Василюк).

Субъективный образ мира – это представление человека о себе, своей судьбе и окружающем мире, это своеобразный индивидуальный миф человека о себе и своей жизни, который отражает его жизненную позицию по отношению к себе, другим, миру в целом и регулирует жизненные отношения и поведение человека. Тем более что для обыденного сознания реальный жизненный мир и субъективный образ мира слиты в единое целое (К.Левин, Ф.Е. Василюк).

Образ мира человека (или «жизненный миф») можно представить как своеобразную «призму», очки, сквозь которые человек смотрит на мир. В формировании образа мира личности важную роль играет культура, в которой человек воспитывается, отношения в его родительской семье и в последующих «группах принадлежности», другими словами – весь его жизненный опыт [21].

Современный революционный переворот в психологическом знании, с точки зрения В.Е. Ключко, заключается именно в окончательном осознании того, что не поняв миссию и предназначение человека невозможно определить, почему у человека именно такая психика. А она у него именно такая, которая позволяет ему быть человеком, т.е. исправно выполнять свое земное и неземное предназначение [11].

Субъект, познавая мир, строит свою «картину мира» избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, оценкой возможных потерь и приобретений. Следовательно, познавая, действуя, человек преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир субъекта, и его ценность. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих экзистенциальную сущность субъекта, приобретения им новых субъектных качеств. Ценности являются не столько когнитивными компонентами психики субъекта, сколько экзистенциальными, связанными не только с ментальным, но и, шире, с духовным опытом человека.

Современная действительность характеризуется кризисом идентичности не только личности, но и всего человечества. Однако наиболее ярко он отражается в старших подростках, проживающих в этот период еще и возрастной кризис и испытывающих трудности в понимании себя. Система воспитания характеризуется отчуждением семьи от школы, детей – от родителей. Мощные информационные технологии с опорой на внушение усугубляют положение – приводят к поглощению самости подростка, затрудняют установление его контакта с самим собой, провоцируют диффузную идентичность. Нахождение и удержание подростком собственной самости и своего места в мире невозможно без развития процессов самопознания и самопонимания, познания мира и своего места в этом мире, что возможно лишь в том мире, который ты понимаешь и строишь по определенному образцу. Образец этот дан или задан, но он реально существует в практике жизнедеятельности человека, в образе мира, который у него сложился в процессе межличностного и практического взаимодействия, одним словом – того образа жизни, который он ведет.

Понимание мира, как и самопонимание отдельного человека, рассматривается в современном человекознании как экзистенциально-духовное ядро личности, бытия «человека экзистенциального». Если познание мира и самопознание обусловлено поиском знаний, накоплением, анализом, категоризацией

информации о мире и о себе, то понимание мира и самопонимание относятся уже скорее к осмыслению этой информации, приданию ей смысла, ее объяснению, рассмотрению возможных причин и следствий. Понимая мир, утверждает В.В. Знаков, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, с позиций смысла своего существования [8, с.13]. Но это возможно лишь в процессе взаимодействия человека с другими людьми. Понять мир внутренний можно лишь при стремлении понять мир внешний. Его нельзя понять также вне понимания и осознания того образа жизни, который человек ведет вне общности.

Общность же, с точки зрения В.И. Слободчикова, есть объединение людей на основе общих ценностей и смыслов: нравственных, профессиональных, мировоззренческих, религиозных и т.п. Общность есть, прежде всего, внутреннее духовное единство людей, характеризующееся взаимным принятием, взаимопониманием, внутренней расположенностью каждого друг к другу [22].

В общности люди встречаются, общность создается совместными усилиями самих индивидов. Нормы, ценности, смыслы общения и взаимодействия привносят сами участники общности. Исходной нормой общности как ценностно-смысловой является устойчивая духовная связь между ее представителями. Специфика данной общности или духовной связи состоит в возможности наиболее полного понимания одной индивидуальности другой индивидуальностью, что обусловлено процессом самопонимания.

Можно с уверенностью считать, что самопонимание, как психологическая реальность, является механизмом «самодетерминации» (Б.Ф. Ломов). Самодетерминация начинает развиваться и проявляться на протяжении всего этапа детского онтогенеза. Уже само рождение человека есть скачок в развитии, главной особенностью которого является начало процесса обособления. Однако здесь происходит и противоположно направленный процесс. Ребенок еще долго пребывает в системе устойчивых непосредственных связей со взрослыми; но главное – что многое из их совместной деятельности направлено как раз на восстановление прерванных связей или на порождение новых, обеспечивающих новую форму единства – сосуществование.

Наиболее интенсивно, однако, процесс обособления (и противоположный ему – отождествления) происходит в подростковом возрасте. В процессе отождествления происходит восстановление и порождение новых связей, что фактически лежит в основе приобщения к общечеловеческим формам культуры и является условием становления индивидуальности. Психологические новообразования данного возраста, приобретаемые в ходе преодоления кризиса переходного возраста, создают основу для полноценного личностного становления растущего человека, способного решать многие жизненные проблемы самостоятельно, быть успешным в социально значимой деятельности, обладать возможностью легко адаптироваться, находить свое достойное место. На границе подросткового и юношеского возраста возникает проблема личностного и профессионального самоопределения.

Развитие личности происходит как бы на пересечении трех координат – координат исторического времени, социального пространства и жизненного пути личности в обществе, т.е. того, что присваивается личности и составляет содержание ее социальных качеств в данной культуре, к чему приобщается личность в системе общественных отношений [3]. Ключом к пониманию механизма движения личности в системе общественных отношений является категория «социально-исторического образа жизни», как и связанное с этой категорией представление о «социальной ситуации» (Л.С. Выготский), что позволяет нивелировать оппозицию «личность – общество». Образ жизни являет собой пространство выбора, объективно заданное появившемуся на свет в том или ином обществе индивиду.

Пространство выбора в социально-историческом образе жизни регламентируется, прежде всего, возможностью выбора той или иной деятельности. Исследователь Ю.Крусвалл на примере анализа различных памятников культуры показывает, как в разных обществах посредством обеспечения *занятости* в ряде случаев искусственно ограничивалась свобода выбора деятельности: централизованное государство тем самым регулировало поведение больших социальных групп людей. Гигантские пирамиды в Древнем Египте, вовсе не необходимые для возводивших их сотен тысяч людей; странным образом периодически покидаемые вскоре после завершения строительства крупных пирамид и храмов города древнеамериканских индейцев майя; Большая Китайская стена общей длиной 4800 км – все это использованные тоталитарными государствами приемы и средства обеспечения управляемого поведения людей, орудия деиндивидуализации личности за счет ограничения посредством занятости свободы выбора деятельности [13].

Вместе с тем, как бы жестко ни регламентировалась обществом свобода выбора вида деятельности, особенности социально-исторического образа жизни не автоматически сами по себе определяют развитие личности, а опосредствуются следующими моментами:

- отношением к типам жизнедеятельности, социальным ценностям, нормам участников совместной деятельности;
- оценкой как участниками совместной деятельности, так и самой личностью своих индивидуальных свойств (задатков, темперамента и т.п.);
- мотивами и целями, ради которых живет данный конкретный человек.

Французские писатели Веркор и Коронель в своей сатирической повести психологически точно передают представление об образе жизни как мотивообразующем условии развития мотивации индивидуальности: «Наши аппетиты, как и наши насущные потребности, ограничены. Но в отношении чего? Только в отношении к тем предметам, которые существуют. Ведь не могут же люди пресытиться чем-то заранее. Значит, мы будем изобретать потребности, вот и все! Разве наши предки в прошлые века могли испытывать потребность в телевизоре или телефоне? Они великолепно обходились без них. Но стоило их изобрести, и мы оказались в их власти» [7].

Достичь преобразования и формирования новых мотивов простым усвоением невозможно – это были бы мотивы знаемые, но не реально действующие. Новые потребности и мотивы, их соподчинение возникают не при усвоении, а при переживании или проживании, и этот процесс происходит только в реальной жизни. Ведь чувственная ступень отражения стоит ближе к внешнему миру, чем мышление, и реагирует быстрее, непосредственнее, поэтому ее легче «эксплуатировать». Возможно поэтому можно считать бедствием рода человеческого тот суровый вывод, к которому пришли прагматики от психоанализа и которым впоследствии воспользовались в своей пропаганде фашисты. Они обращались не к рассудку, а к инстинктам: с помощью целого ряда ритуалов превращали аудиторию, представляющую разные слои общества, в толпу – особую временно возникающую общность людей, охваченных общим влечением.

Другое важное направление психоанализа, которое может быть использовано в разных про- или антисоциальных целях, открыл Джеймс Вайнер. Он изучал подсознательный фактор в семантике, то есть воздействие слова на подсознание. Кроме того, еще Реформация (эта «великая Перестройка Европы») задала всем будущим манипуляторам главный принцип: чтобы овладеть умами людей, необходима подготовка – разрушение священных образов («штурм символов») [цит. по 10]. В связи с этим, Карл Густав Юнг пишет: «Бессознательные формы всегда получали выражение в защитных и целительных образах и тем самым выносились в лежащее за пределами души космическое пространство. Предпринятый Реформацией штурм образов буквально пробил брешь в защитной стене священных символов... Одна стена падала за другой. Да и разрушать было не слишком трудно после того, как был подорван авторитет церкви. Большие и малые, всеобщие и единичные образы разбивались один за другим, пока, наконец, не пришла царствующая ныне ужасающая символическая нищета...» [29].

Еще одной важной концепцией стало представление психики человека как арены борьбы множества составляющих его «субличностей» – частных «Я». В этой борьбе верх может одерживать то одна, то другая ипостась человека, то одна, то другая сторона его «Я». Этот «победитель» и программирует поведение человека. При этом легче всего возбудить и превратить в мощный импульс именно порочные, подавляемые влечения, усилить и «подкупить» их, побудить сделать противное всей личности в целом.

Палеопсихология личности могла бы взять своим девизом слова У.Шекспира о том, что вряд ли человек чем-то отличался бы от животного, если бы ему нужно было только необходимое и ничего лишнего. Но, «опираясь на теорию эволюционирующих систем, можно предположить, что новый тип локомоции, сложный комплекс манипуляционной активности ... значительно интенсифицировал неадаптивную деятельность ранних представителей рода Гомо, что в конечном счете привело к иному направлению развития ... появлению уже археологически фиксированных форм неадаптивной активности: начертательная (изобразительная) деятельность ... преднамеренные погребения» [20]. Т.е. уже на ранних этапах антропосоциогенеза происходит выделение человека из окружающей действительности и формирование автономного Я.

На разных этапах истории человечества степень выраженности личностных вкладов в жизни социальной группы была различной, что иногда приводило исследователей к полному отрицанию суще-

ствования индивидуального поведения члена первобытной общины [3]. Подтверждением представлений о преобладании социотипического поведения в раннепервобытных общинах некоторые этнографы находят в рассказах самих аборигенов Австралии. «Расскажи мне о своей жизни», – попросила однажды А.Уэлс пожилого аборигена по имени Дылмин. «Нет, – сказал он после долгого раздумья, – не моя история тебе нужна. Моя история – это одно и то же каждый день. Сухой сезон следует за влажным, за сухим – опять влажный; один день похож на другой, как черепашьи яйца из одной ямки в песке похожи друг на друга» [2, с.166]. В действительности же отклонение от нормативного социотипического поведения уже на самых ранних этапах социогенеза выходит за рамки общепринятых стандартов поведения.

Каждая культура представляет собой определенные структуры повседневности: специфические навыки (владение копьем или стрелой), умения (охотиться или удить рыбу), характерные модели взаимодействия (индивидуализм, коллективизм). Ей присущи свои культурные практики – виды деятельности, в отношении которой существуют нормативные ожидания. Через переживаемые события повседневной жизни, виды деятельности, ситуации, контексты и т.п. вырабатывается культурная привычка поведения. Так, в одних культурах более всего ценятся индивидуализм, самостоятельность, активность, в других – напротив, коллективизм, послушание, подчинение. Усвоение культуры, как и усвоение родного языка, протекает на досознательном уровне, непроизвольно, через погруженность в межличностные ситуации, и это неизбежно.

Родная культура почти не осознается, поскольку является средой обитания. Когда же человек попадает в абсолютно новое окружение, где ему приходится мгновенно реагировать на множество совершенно новых представлений о времени, пространстве, труде, религии, любви, сексе и т.п., то им овладевает растерянность, наступает культурный шок. Однако такие же чувства можно переживать и по отношению к собственной культуре, когда человек не успевает адаптироваться к быстро меняющимся условиям (то, что пережили взрослые люди 90-х годов прошлого столетия).

Процесс развития личности можно представить как процесс вхождения человека в новую социальную среду, а интеграции в ней – как результат этого процесса. Если индивид не способен преодолеть трудности адаптационного периода, у него могут складываться качества конформности, зависимости, неуверенности. Если же он застрянет на фазе индивидуализации, у него могут сформироваться негативизм, агрессивность, подозрительность. У индивида при успешном прохождении фазы интеграции формируются такие качества, как гуманность, доверие к людям, справедливость, коллективное самоопределение, требовательность к себе и другим и пр.

Этот тип отношений предъявляет требования не только к самим людям, их поведению, но и задает им эталон общения, создает деловую обстановку, атмосферу общения, позволяет им успешно выполнять работу и, тем самым, повышает вероятность выживания в трудных условиях жизни. Качество отношений или предоставляет простор субъектам общения, или ограничивает их. Высшим уровнем отношений является такой уровень, при котором реализуются нравственные ценности. Активная борьба за достойные для обоих общающихся нравственные отношения, за их прочность и перспективность, а не только за отдельные поступки, – такова подлинная этическая позиция субъектов.

С.Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» раскрывает этическую основу человеческих отношений. Она заключается в признании самого существования другого человека. Он писал: «Полюби нас черненькими, беленькими всякий нас полюбит». Подлинный смысл этого высказывания в том, чтобы любить человека не за тот или иной одобряемый или порицаемый поступок, который может быть случайным, а любить его самого, за его подлинную сущность, а не за его заслуги [18]. Важно не то, уточняет К.А. Абульханова-Славская, как данный человек отнесется ко мне и что он захочет включиться в сферу наших с ним отношений, а безотносительная ко мне, к моим потребностям и «интересам» объективная ценность его личности. Через анализ этого этического аспекта общения, в котором заключается подлинное общение субъектов, происходит сближение между личным и общественным, между «ближним» и «дальним» и предстает иерархия ценностных отношений личности, характер ее жизненных отношений – к людям, к делу, к жизни в целом [1, с.324].

Сводить всё общение к психологии личности так же не верно, как и «вычитать» ее из общения, типизируя безотносительно к личности. Отношения не являются неким «идеальным продуктом», связывающим людей. Однако зрелая личность, с гармоничной, непротиворечивой системой ценностных ориентаций, если они не совпадают с отношениями, сложившимися в группе, способна активно

противостоять им, не только отстаивая свое мнение, но даже перестраивая общение и отношения в этой группе. Если личность маскирует свою эгоистичную ориентацию, рассматривая членов группы как объекты и средства достижения своих целей, её безразличие к ним рано или поздно проявится. Эгоистичный характер ориентации обоих партнеров формирует временные союзы, основанные на деловом обмене услугами, на достижении каждым личных целей: в данном случае партнер становится средством достижения этих целей [1].

Наиболее ярко такая установка на отношение к другому человеку как к средству достижения своих целей проявляется в так называемом *манипулятивном* поведении. Этот термин в обыденной жизни стал столь распространенным, что требует толкования.

Первоначально понятие «манипулятор» означало цирковой артист, фокусник, который действует с предметами при помощи рук. В Оксфордском словаре английского языка манипуляция (*manipulation*) в самом общем значении определена как обращение с объектами со специальным намерением, особой целью, как ручное управление, как движение, производимое руками, ручные действия [цит. по 17]. Если обратиться к возрастной периодизации психического развития, то вторым ведущим видом деятельности (первый в системе «S-O» – когнитивное развитие) в онтогенезе, по Фельдштейну, является предметно-манипулятивная деятельность. Т.е. можно отметить одну существенную характеристику манипуляции – ловкость, сноровка при выполнении действий-манипуляций. Возможно поэтому люди без манипуляций не живут, не жили и жить не будут, как утверждают не только обыватели, но и многие исследователи. Однако в переносном смысле слова тот же словарь определяет манипуляцию как «акт влияния на людей или управление ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка» [цит. по 17].

Обратимся к этимологии еще одного понятия – «личность». В данном случае возникает следующая цепочка терминов – лик, личина, маска. В старину на Руси маски называли личинами, а лицо, которое они скрывали, – ликом. Благодаря лицу, лику мы воспринимаем эмоции другого человека и передаем свои. По своему значению с давних пор *маска* смыкалась с *ролью*, которую человек играет на сцене жизни. Маска – это форма представления своего внутреннего «Я» с учетом ситуации, в которой человек находится. В западной психологии в большей степени фигурирует понятие *персоны*. По Юнгу, персоне – это поверхностный слой-маска в структуре сознания (архетип конформности). Она включает социальные роли, посредством которых человек представляет себя другим людям и обществу. Это публичное лицо человека.

Исторически субъектом индивидуализации (формирования «Личности» с большой буквы) в социогенезе выступала социальная группа. «Личностью, – пишет Ю.М. Лотман, – т.е. субъектом прав, релевантной единицей других социальных систем (религиозной, моральной, государственной) были разного типа корпоративные организации... Юридические права или бесправие зависели от вхождения человека в какую-либо группу... Чем значительнее была группа, в которую входил человек, тем выше была его личная ценность» [15]. В социальных системах с сословным делением функцию символика носителя роли выполняла одежда. При резком делении сословий, ограниченной мобильности личности, не человек, образно говоря, носит одежду, а одежда «носит» его социальную роль. В этом смысле высказывание «встречают по одежке» психологически означает, что личность встречают и воспринимают по той социальной роли, которая материализована в одежде, обозначающей позицию личности. Возможно поэтому одежда до сих пор является одним из способов сокрытия истинной сущности человека, и чем более в обществе существуют ограничения для самовыражения и самореализации личности, тем большее значение приобретает различная «символика» (одежда, украшения, марка машины и т.п.).

В условиях социально-исторического образа жизни двадцать первого столетия обостряется конфликт между ценностью «быть личностью», которая сама выбирает и создает свой образ жизни, и социотипическими ролевыми проявлениями личности в разных социальных группах. Не случайно еще в двадцатом столетии в западных странах, а у нас в нынешнее время, так остро переживается так называемый кризис идентичности, связанный с нивелировкой «Я». И воспринимается он не как трагедия отдельной личности, а как трагедия общества, и речь идет уже о кризисе «взросления» человечества в целом.

Острые, противоречивые переживания в результате экономических потрясений, технологических проблем и информационных перегрузок приводят к глубочайшим изменениям сознания человечества

и ставят его перед выбором всего жизнеустройства (типа цивилизации). Для достижения всеобщего уровня «зрелости» необходимо пройти несколько этапов своего развития, один из которых Ф. Перлз назвал уровнем «внутреннего взрыва» или «условной смерти» [цит. по 19].

Это наиболее острый этап кризиса, так называемая точка бифуркации, т.е. критическое состояние системы, характеризующейся неустойчивостью, возникновением неопределенности, которое может определить: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности.

Если индивид не имеет предшествующего опыта решения сложных задач, у него сформирован недостаточный уровень потребности в поиске, он считает, что с данной задачей справится любой, равный ему человек, но не он сам, а также длительное время он сталкивался с ситуациями, в которых не видел четкой взаимосвязи между своими действиями и их последствиями, в таком случае у него формируется синдром «обучения беспомощности» (М.Е. Селигман). Выученная беспомощность приводит к тому, что, попав в ситуацию пострадавшего, такой человек ничего не предпринимает для изменения положения. У таких людей наблюдается комплекс неудачника, и они становятся чаще всего жертвами.

С точки зрения криминологии *виктимность* – особый феномен, который усиливает вероятность стать жертвой. Виктимность есть свойство определенной личности, социальной роли, социальной ситуации, провоцирующее или облегчающее преступное поведение [9]. В социологии под жертвой понимают следующее: «Жертва – это пострадавшие в ходе конфликтных действий субъекты (социальные группы, общности, люди), не принимающие непосредственного участия в конфликте и признанные в качестве жертвы «значимыми другими» [12]. Сопоставление и анализ различных точек зрения по поводу определения данного понятия и выявления особенностей человека-жертвы позволили М.А. Одинцовой прийти к выводу о том, что жертва – личность, наделенная совокупностью эмоциональных, когнитивных, волевых и поведенческих компонентов, имеющих дефензивный характер и способствующих непродуктивному способу решения проблем во взаимодействии [17]. В.С. Мухина также считает, что в практической психологии «жертвой» принято называть человека, который ответственность за себя и контроль над своей жизнью отдает другим людям [16].

Образ жизни человека, занимающего позицию жертвы, характеризуется отсутствием осознанной ответственности за себя и свое будущее, иждивенческими установками, пассивно-оборонительным стилем поведения. Кроме того, жертвам в большей степени, нежели жизнестойким людям, свойственна лживость, ригидность и низкая активность. Такой образ жизни, при котором организм, принадлежащий к одному виду, живет за счет другого вида, в народе называют «нахлебником» или более жестко – паразитом». Проявление паразитизма в человеческом обществе культивируется в самом «беспредельном» виде и многообразно: это «зависимое вечное дитя», «депрессивный беспомощный старик», «самовлюбленная красавица на выданье», «молодой агрессивный специалист», «нищий гениальный художник».

«Инфантильная жертва» будет блестяще играть свою роль, пока это приносит ей пользу, заключающуюся во внимании, заботе, любви. Играть эту роль можно на уровне влюбленного партнера, нерадивого специалиста, угнетенного народа и даже обреченного человечества. Причем, все окружение активно включается в эту «великую манипуляцию» (М.Одинцова) и подыгрывает ей. Когда окружающие поддерживают игру, очень трудно отказаться от роли, дающей такой хороший результат.

Исследования Н.П. Фетискина и др. доказывают, что у молодежи формируется система антиномий: зарабатывать много – работать мало; деньги зарабатывать для себя; «хочу, чтобы меня любили» (голод любви) и т.п. Это означает, как пишет автор, что «социальный распад общества оборачивается «расчеловечиванием» человека [26, с.187]. Н.П. Бехтерева также указывает на ложную родительскую любовь, которая «не признает ни долга, ни обязанностей. Отсюда и неумение, нежелание преодолевать трудности» [4, с.29].

Э.Фром по этому поводу пишет: «После рождения младенец остается еще во многих отношениях частью матери, и его рождение как независимого существа является процессом, продолжающимся много лет – фактически всю жизнь. Стремление перерезать пуповину – не в физическом, а в психологическом смысле – является величайшим вызовом человеческому развитию, а также самой трудной его задачей. Пока человек связан этими первичными узами с матерью, отцом и своей семьей, он чувствует себя в безопасности. Он подобен утробному плоду, за него все еще кто-то отвечает. Он избегает тех

жизненных ситуаций, которые заставляют его быть самостоятельной личностью, обремененной ответственностью за свои поступки, необходимостью принимать собственные решения, «взять жизнь в свои руки» [27, с.279].

Существует также и альтернативная позиция в трактовке термина «жертва», которая представлена в религии, но в словарях и справочниках, а также в общественном сознании, она не присутствует. Жертва – призывание имени Господа, проявление любви и благодарности к Богу за полученные от Него благодеяния. Но это не та материальная жертва, которую мы наспех даем на храм. Это другая жертва: Богу (Миру, Вселенной) нужен поступок [17, с.52]. И поступком этим может быть постоянное совершенствование человека. Как пишет К.Эстес, «жизнь и жертва идут рука об руку» [28, с.221].

В целом в своей работе «Иметь или быть?» Э.Фромм с гуманистических позиций выступает против духовного оскудения и при этом намечает возможные варианты решения назревших глобальных проблем для создания гармоничного здорового человека и здорового общества. Основным вывод, к которому он пришел в результате глубокого анализа работ по философии, социологии, экономике, психологии, а также Ветхого и Нового завета, можно сформулировать следующим образом: «Праведная жизнь уже не рассматривается как исполнение морального или религиозного требования. Впервые в истории физическое выживание человеческого рода зависит от радикального изменения человеческого сердца. Однако изменение сердца человека возможно лишь при условии таких коренных социально-экономических преобразований, которые дают ему шанс измениться, а также необходимые для этого мужество и дальновидность» [27, с.18].

Личность есть полная самоопределенность человека во всей совокупности его действий, отношений с другими, его устремлений и ориентаций. Формулой личностного поведения выступает заявление человека: «Я лично!». Человек заявляет о своей собственной и полной ответственности за свои действия и поступки жизни. Личное бытие – это муки выбора, риск социального действия, тяготы ответственности за себя и других, а потому не все люди соглашались на такой способ жизни. Отказ же от личностного бытия есть согласие на зависимый, безответственный, социально-приспособительный способ жизни. Это не менее тяжкая доля для человека [22].

Активно преобразуя любую трудную ситуацию, личность значительно изменяется, но изменения эти обычно непреднамеренны и неосознаваемы. Но порой жизнь ставит личность в такие ситуации, когда только намеренное изменение ею своих особенностей может привести к благополучию. В этом случае изменение собственных характеристик и отношений к ситуации становится основной стратегией или входит составной частью в иные стратегии. Изменить себя, не изменяя себе, – задача трудная, и человек вряд ли справится с ней, если у него мотивация приспособления менее мощная, чем побуждение изменить мир.

Итак, ценностное сознание личности обнаруживает черты, присущие социальным группам, народу, обществу в целом. При этом большое значение имеют социально-экономические и социально-культурные условия социализации личности, усвоение ею общепринятых норм и ценностей, условия жизнедеятельности. В конечном итоге, образ жизни, которую ведёт человек (различные виды деятельности, работа, повседневные заботы, досуг, семейный уклад, межличностные отношения с «близкими» и «дальними» и т.п.), составляет его картину мира. В то же время сформировавшийся тип ценностных ориентаций и картина мира, которая складывается в результате решения трудных жизненных ситуаций, во многом зависят от индивидуальных особенностей личности. Если период переживания кризиса пройдет успешно, результатом этой сложной внутренней деятельности становится «метаморфоза личности» (Ф.Е. Василюк), ее перерождение, «трансформация» (К.Г. Юнг). Человек по-новому определяет себя (создает новый образ Я), принимает новый жизненный замысел, новые ценности, вырабатывает новую стратегию жизни. Главная внутренняя потребность субъекта этого мира, «внутренне сложная и внешне трудная» («творческая»), – воплощение идеального надситуативного замысла жизни в целом [6]. И это задача творческая, не имеющая готового алгоритма решения. Поэтому, видимо, Р.Лэнг считал глубинной содержательной характеристикой образа мира человека онтологическую уверенность или (при неблагоприятном жизненном опыте) онтологическую неуверенность [14]. Многие современные исследования убедительно свидетельствуют о том, что вместе с процессом трансформации системы ценностей, социально-психологической направленности и политической ориентации в нашей ментальности по-прежнему доминирует представление о том, что создание и формирование определенного, а

именно здорового образа жизни – это что-то внешнее, и принадлежит эта прерогатива лишь государству. «Народ не столько поручает власти выполнение каких-либо функций, сколько вручает ей свою судьбу» [25].

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Личность в процессе деятельности и общения // Психология личности. Т.2. Хрестоматия. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2008. - 544 с.
2. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. - Москва, 1987, с.166.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: Учебник. - Москва: Изд-во МГУ, 1990. - 367с.
4. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. - Москва: АСТ, 2007, с.29.
5. Богомаз С.А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Зелинский. - Москва: Институт психологии РАН, 2008, с.262-297.
6. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал, 1995, №3.
7. Веркор, Коронель. Квота, или сторонники изобилия//Французские повести. - Москва, 1984, с.166.
8. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал, 2000, том 21, № 2, с.7-15.
9. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. - Москва: Юнити-Дана, 2003.
10. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. - Москва: Эксмо, 2009. - 864 с.
11. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме трансспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Зелинский. - Москва: Институт психологии РАН, 2008, с.41-61.
12. Козырев Г.И. «Жертва» в социально-политическом конфликте: Монография // Москва: Экслибри-Пресс, 2008.
13. Крусвалл Ю. Занятость и организация // Человек в социальной и физической среде. - Таллин, 1983, с.75.
14. Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». / Пер. с англ. - СПб., 1995.
15. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. - Ленинград, 1982.
16. Мухина В.С. Возможность возникновения комплекса «жертвы» у пострадавших от аварии на ЧАЭС // Чернобыльская катастрофа: диагностика и медико-биологическая реабилитация пострадавших: Сб. материалов науч.-практ. конф. Минск, 21-22 мая 1993 г.: в 4 ч. / Бел. гос. ун-т.; редколл.: Л.А. Пергаменщик и др. - Минск, 1993.
17. Одинцова М.А. Многоликость «жертвы» или немного о великой манипуляции (система работы, диагностика, тренинги): Учебн. пособие. - Москва: Флинта: НОУ ВПО «МПСи», 2010. - 256 с.
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир (отрывки из рукописи) // Методологические и теоретические проблемы психологии. - Москва, 1969.
19. Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика / Пер. с англ. - Москва, 1993.
20. Смирнов Ю.А. Возникновение орудийной деятельности как следствие неадаптивной активности ранних гоминидов // Задачи современной археологии: Тезисы докладов. - Суздаль, 1987, с. 235.
21. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения Я. - Москва, 1985.
22. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учебн. пособие для вузов. - Москва: Школа Пресс, 1995.
23. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические замечания // Психология социальной ситуации: Хрестоматия. - СПб, 2001.
24. Тульчинский Г.Л. Гуманитарность против Гуманизма? // Известия ТРТУ, 2005, вып. 7 (51), с.47-52.
25. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х // Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. - Москва: Роспэн, 2000.
26. Фетискин Н.П., Миронова Т.И., Шепелева С.Т. Специфика деформирующего влияния социальной энтропии на профессионально-личностную направленность студенческой молодежи: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности». - Ярославль: «Канцлер», 2007, с.187.
27. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ; общ.ред. и посл. В.И.Добреньков. - 2-е изд., доп. - Москва: Прогресс, 1990, с.279 (Библиотека зарубежной психологии).
28. Эстес К. Бегущая с волками - Москва: Издательский дом «София», 2005, с.221.
29. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. - Киев; Москва, 1997.
30. Magnusson D.A. Psychology of Situations // Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective. - New Jersey, 1981.

Prezentat la 12.07.2011